

А. Яндаров

**ПЕРВЫЙ ИНГУШСКИЙ ЭТНОГРАФ
ЧАХ АХРИЕВ**

(К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Имя ингушского ученого и этнографа Чаха Ахриева неизвестно широкому кругу читателей. А между тем ни один историк или этнограф, исследующий прошлое Чечено-Ингушетии, не может обойти многочисленные работы ученого, посвященные самым различным вопросам жизни чечено-ингушских горцев. И не только потому, что Ахриев был первым этнографом-ингушом, давшим глубокий анализ многих сторон жизни горцев, но и потому еще, что его работы написаны с передовых для того времени научных позиций и признаны классическими в кавказоведении.

Чах Эльмурзаевич Ахриев родился в 1850 г. в ингушском селе Фуртуг близ Владикавказа (ныне Орджоникидзе). С семи лет он жил в этом городе (куда был перевезен в качестве заложника) и обучался основам русского языка и грамматики. Когда мальчику исполнилось 12 лет, он поступил в Ставропольскую гимназию, из стен которой вышли многие общественные деятели и революционеры, такие, например, как Коста Хетагуров, Г. Лопатин, М. Фроленко. По воспоминаниям последнего, в гимназию проникали передовые идеи того времени, а гимназисты читали запрещенные произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

После окончания гимназии Ахриев вернулся в Ингушетию и некоторое время работал чиновником. Желание разобраться в сложной действительности навело его на мысль продолжить образование, и в 1870 г. он поступил в Нежинский лицей, где в то время преподавали педагоги, помогавшие учащимся выработать прогрессивные общественные взгляды. Особенно широко в лицее были распространены идеи французского просветительства, их влияние чувствуется в большинстве работ Ахриева.

Бывая во время каникул на родине, Ахриев тщательно собирал этнографический материал, который частично публиковал в «Сборнике сведений о кавказских горцах»¹. Ахриев-этнограф не ограничивался равнодушным, беспристрастным, изложением фактов, и каждый из них оценивал с точки зрения передового общественного деятеля.

Закончив учебу, он, полный горячего желания помочь горцам приобрести к культуре, просит места на родине, в Чечено-Ингушетии. Но этим надеждам, к сожалению, не суждено было осуществиться: царские власти, осведомленные о демократических взглядах ученого, не позволили ему остаться на Северном Кавказе, и он долгие годы провел

¹ «Похороны и поминки у горцев», приложение к статье Н. Ф. Грабовского «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа», «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 3, отд. 1, Тифлис, 1870; «Несколько слов о героях в ингушских сказаниях», там же, вып. 4, отд. 2, Тифлис, 1870; «Из чеченских сказаний», там же, вып. 5, отд. 2, Тифлис, 1871; «Ингушские праздники», там же, отд. 3.

вдали от родины. Но и после возвращения на родину, будучи уже тяжело больным человеком, Ахриев не прекращал просветительской деятельности и был одним из учредителей и деятельных членов «Общества по распространению грамотности среди горцев Терской области».

Умер ученый в 1914 г., оставив после себя довольно богатое научное наследие. Многие его работы посвящены нравам, обычаям, религиозным верованиям горцев, истории и экономике края.

Однако в настоящем сообщении мы коснемся лишь некоторых из его многогранных научных интересов: исследования религии чечено-ингушей, характеристики народных обычаев, а также высказываний по вопросам устного народного творчества.

Во всех своих трудах он анализирует религиозные верования с материалистической точки зрения: религия возникла из страха людей перед стихией, их беспомощности в борьбе с грозными явлениями природы, из-за отсутствия у людей, «детей природы», по его словам, научных знаний о природе².

Ахриев собрал и описал множество религиозных поверий, источником которых послужили различные явления природы и психической деятельности человека и пытался дать им научное объяснение.

Разоблачая, например, так называемых гадалщиков, которые перед демонстрацией пророчества впадали в транс, он писал: «Припадки эти (речь идет о трансе.— А. Я.) бывают, как мне кажется, вследствие серных паров, выходящих из гор, а некоторые личности просто притворяются»³. Верующие же, приписывающие эти припадки «влиянию святых»⁴, глубоко заблуждаются.

Тщательно исследуя религиозные верования, «характеризующие мировоззрение ингушей», Чах Ахриев первым в этнографической литературе о горцах высказал мысль о том, что «индифферентный характер религиозного настроения ингушей» объясняется тем, что верования эти являются сложным образованием, состоящим из наслоений различных религий: язычества, христианства и мусульманства, которое было принято сравнительно поздно. Это утверждение было направлено против тех официальных царских историков, которые беспримерный героизм и мужество, проявленные горцами в борьбе за независимость, объясняли исключительно их религиозным фанатизмом. Возражая против этой лжи, Ахриев не только способствовал восстановлению исторической правды, но и укреплял взаимопонимание между ингушами и русскими.

На многочисленных примерах Ахриев показывал, как глубоко влияют религиозные суеверия на все стороны общественной жизни горцев и на их материальное благополучие. Критика религиозных верований была для Ахриева составной частью его борьбы за социальное и культурное возрождение чечено-ингушей. И хотя он остановился на чисто просветительском подходе к борьбе с суевериями, полагая, что для их преодоления достаточно распространения знаний, все же в конкретных исторических условиях Чечено-Ингушетии антиклерикальная и антирелигиозная борьба ученого была безусловно прогрессивной.

Ахриев был первым из чечено-ингушских ученых и общественных деятелей, поднявшим свой голос против бесправного положения женщины. Исследуя предрассудки, обрекавшие женщину на бесправие, понижающие ее человеческое достоинство, он пришел к мысли, что женское бесправие — явление сравнительно новое в Чечено-Ингушетии. Даже во время, описываемое ученым, когда женщина была сильно ущемлена в своих правах, когда ее бесправие освящалось предрассуд-

² «Терские ведомости», Владикавказ, 1872, № 42.

³ «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 5, Тифлис, 1871, стр. 16.

⁴ Там же.

ками о ее неполноценности, женщина играла определенную роль в обществе. «Многочисленные примеры показывают, что никакая угнетенность женщины не может никогда вполне уничтожить ее влияния прямого или косвенного на окружающую жизнь»⁵.

Угнетение женщины, по мнению просветителя, безнравственно и достойно всяческого порицания. Степень эмансипации женщины — показатель культурного уровня общества, показатель «развития в нем нравственного элемента». И в этом вопросе Ахриев уповал на образование, на науку и полагал, что только распространение среди горцев научных знаний может оградить ингушскую женщину от беспаравия и деспотизма⁶.

Ахриев был исследователем ингушских адатов. Заметим здесь, что, как и все просветители, он не различал строго нравственные и правовые нормы, хотя и разграничивал все обычаи на имеющие юридическое значение, т. е. адаты, и на «обычаи частной жизни». Как и все просветители, он считал, что образ жизни народа, исторические традиции общественной жизни являются нормообразующими факторами нравственности.

Нравственные нормы, как и юридические обычаи, не вечны, а будучи обусловлены общественной средой, изменяются вместе с последней. Причем юридические обычаи, т. е. адаты, подвижней и изменяются быстрее. Обычаи, таким образом, объясняются условиями жизни общества, а не выводятся из так называемой «абстрактной идеи».

Критикуя отдельные реакционные обычаи, обусловленные исторической отсталостью горцев, такие, например, как некоторые нормы адата, Ахриев вместе с тем предостерегал против нигилистического отношения к тем обычаям народа, «которые не противоречат духу времени». Он писал о том, что всякие общественные реформы необходимо вводить с учетом «нравственного опыта народа», зафиксированного в его обычаях и нормах нравственности⁷.

Вместе с тем Ахриев полемизировал с теми просветителями, которые идеализировали так называемое «естественное состояние» и восторгались «простотой нравов» людей. По его мнению, так называемая «простота нравов» идет рука об руку с дикостью, невежеством, предрассудками. «Если под „простотой нравов“ считать обычай есть руками, когда нужна вилка, носить грязные лохмотья, когда нужна чистая и крепкая рубаха, то этакой простоты нравов много между горными ингушами. Очевидно, это не имеет отношения к той идиллической картине, которую каждый из нас рисует себе при слове „простота нравов“. Очевидно, это не результат простоты нравов, которые суровы между ингушами, а результат бедности, которой нечего есть, простота невежества... Подобная простота возбуждает в здравомыслящем человеке не идиллическую сентиментальность, а чувство горького сожаления и грусти»⁸.

Нравственный же прогресс как отдельного человека, так и общества в целом лежит на путях всестороннего просвещения людей, приобщения их к научным знаниям.

Ахриев считал, что нравственность, возникнув из потребности общества в определенную эпоху, в свою очередь накладывает сильный отпечаток на общественную жизнь эпохи, поэтому по сохраняющимся народным обычаям можно судить об эпохе, в которую они возникли, и об обществе этой эпохи.

Это же относится и к устному народному творчеству.

⁵ «Об ингушских женщинах», «Терские ведомости», Владикавказ, 1871, № 31.

⁶ Там же.

⁷ «Юридическое значение присяги у ингушей», «Терские ведомости», Владикавказ, 1871, № 21.

⁸ Серия статей «Этнографический очерк ингушского народа с приложением сказок и преданий». «Терские ведомости», Владикавказ, 1872, № 28—42 (с перерывами),

«О характере прошлой ингушской жизни можно отчасти судить по тем сказкам и преданиям, которые сохраняются в ингушском народе и по сохранившимся народным юридическим обычаям», — пишет Ахриев⁹.

Поэтический, необыкновенно богатый формами и жанрами фольклор горцев, аккумулировавший в себе духовный опыт народа, не имевшего своей письменности, еще в юности увлек Ахриева. Безусловно, раннее знакомство с фольклором повлияло в какой-то мере на выработку им демократических воззрений, зародило любовь к своему народу, создавшему такие поэтические сокровища. Ахриев был первым высокоталантливым и добросовестным собирателем и исследователем чечено-ингушского фольклора. И при работе над фольклором главным принципом ученого было чуткое, бережное отношение к материалу, желание не допустить искажения его в угоду собственному вкусу и представлениям. Ахриев считал, что творческая обработка материала допустима, если при этом не нарушается художественная целостность произведения, основная идея, заложенная в нем. Записывая и публикуя фольклорные произведения, он акцентировал смысловое ударение как раз на тех сюжетных линиях, которые наиболее полно выражали дорогие ему мысли и убеждения. Для примера сошлемся на его запись чеченской народной сказки «Черкес Иса и чеченец Иса», в которой углублен и талантливо развит мотив дружбы людей разных народов.

Заканчивая наше краткое сообщение о первом чечено-ингушском этнографе, следует сказать, что во всем, что он писал о своих соотечественниках, чувствуется глубокое сочувствие к ним, искренняя заинтересованность в их многострадальной судьбе¹⁰. Это был ученый, этнограф и общественный деятель, активно вторгавшийся в жизнь, стремившийся всеми силами облегчить участь своего обездоленного народа, приобщить его к образованию, культуре, помочь ему преодолеть экономическую и культурную отсталость.

⁹ «Терские ведомости», Владикавказ, 1872, № 37.

¹⁰ См. «Ингуши», Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 8, Тифлис, 1875.